

Моск. комсомолец. - 1996. - 25 июля. - с. 8.

После "Взгляда"
Елена Масюк
работала в
видеоприложении
к газете
"Совершенно
секретно".
Несколько лет
сотрудничала с
западными
телекомпаниями
по уголовной
тематике. В
НТВ работала
сначала в
"Намедни",
снимала сюжеты
для "Сегодня" и
"Итогов" на
абсолютно
разные темы — от
подземной
Москвы до
Черного поиска. В
95-м году
приобрела
всероссийскую
известность в
качестве
военкора. Тяга к
острым темам у
Лены, что
называется, в
крови. Еще во
"Взгляде" она
интересовалась
тюремной
тематикой.

ЕЛЕНА МАСЮК

СВОБОДА МЕНЬШЕ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ

— Мне было интересно рассказывать о людях, которые находятся в заключении. Я была опытной тюремной репортершей — знала, как разговаривать с эсками, хотя на журфаке МГУ этому не учат. Например, мать-героиня с одной из своих дочек убил и сожгла двух женщин и ребенка во дворе собственного дома. Обе приговорены к высшей мере, как с таковыми в тюрьме общаться? Во-первых, скромно одеваться — никаких колец, украшений, косметики. Во-вторых, принести чай, конфеты. Как в гости. В мужской колонии — меньше за жизнь, больше — на языке эсков говорить, чтобы они оценили, что ты понимаешь в уголовной теме. Мужчин поражало, особенно в камере смертников, когда я входила, подавала руку и говорила: "Здравствуйте, меня зовут Лена". Сложнее было во Владимирской тюрьме, где отпетые уголовники, которые по 10 лет не видели женщину и где всегда надо было выглядеть во всех отношениях аккуратно. Теперь эта тема мне не интересна, все это ушло. Посмотрев некоторые свои прошлые сюжеты на уголовную тематику, я пришла в ужас — это действительно страшно, а главное, много идиотов, которые, посмотрев, могут повторить то, что вытворили, например, людоед Суклетин и его сожительница.

— Чеченская война перевернула твою жизнь?

— Никогда в жизни я не предполагала, что придется вечером, перед тем, как ехать в Чечню. В сентябре 94-го, когда я первый раз туда попала, мне было очень не по себе. Самолетом МЧС прилетела в Моздок. Увидела зловещие приготовления к войне. Лагерь для раненых. Надутые баракки. Большинство тогда думали, что будут просто более жесткие столкновения между Дудаевым и Автурхановым. Никто не ждал вторжения нашей армии. Второй раз я поехала сама. Была удачная командировка. Мы взяли интервью у Дудаева, его жены, Лабазанова, Хасбулатова. В декабре началась война.

— Согласитесь, это неожиданно, когда женщина местом своей работы выбирает войну, кровь, ужас, страх наконец...

— У меня всегда было плохое настроение накануне вечером, перед тем, как ехать в Чечню. Но там на месте, когда впереди только работа, я, наоборот, чувствовала себя увереннее. Запомнился январь 95-го, когда брали президентский дворец, а мы с оператором проникли туда во время штурма. В первый раз под обстрелом на настоящей войне — мы не знали, как работать. Вспоглощающего чувства страха у меня никогда не было — я фаталист. На этой войне я сдала ряд самых удачных своих репортажей. Вроде интервью с Басаевым после Буденновска. Последняя моя командировка в Чечню тоже связана с Басаевым, который сообщил о месте нахождения радиоактивного контейнера в Измайловском парке. Состоялся сенсационный репортаж. Контейнер был. Я его нашла. Потом говорили, что этот контейнер я чуть ли не сама придумала. Чеченцы давно говорили, что у них есть радиоактивные вещества. Министр МВД отрицал это всячески. Все официальные органы говорили, что у чеченцев такого быть не может — мол, радиоактивные вещества на замке. Через некоторое время в Чечне мы сняли еще один контейнер, в котором находился гораздо больше цезия — рядом стоял Басаев. После этого ни один ФСБшник не смог уже отрицать наличия радиоактивных материалов у чеченцев. Этот второй сюжет прошел незамеченным. Но после всей этой истории меня НТВ больше не пускает в Чечню. Истинные причины такой политики я не знаю.

— За что ты рисковала на войне как тележурналист — за деньги, за идею или за интерес?

— У меня стабильный оклад. В НТВ нет гонораров. Не важно, что ты снимаешь — сенсацию или обычный репортаж. Что касается страхования моей жизни, то, насколько я знаю, не все наши съемочные группы застрахованы. Впрочем, я давно потеря-

ла к этому интерес и перестала вникать — это не те деньги. Я надеюсь, наша жизнь стоит больше, чем 10 тыс. долларов.

— Свои сенсационные репортажи ты делала на чеченской стороне.

— Все свои поездки, командировки я придумывала себе сама, меня очень редко куда посылали по заданию редакции. Сначала, особенно в феврале 95-го, работать было тяжело, меня много раз арестовывали чеченцы как шпионку. С боевиками я старалась всегда вести спокойный разговор. Часто они начинали нападать — мол, вы все журналисты продажные, вы все русские подонки и т.д. В таких ситуациях я никогда не терпела, и всегда отвечала так же нагло — мол, и среди чеченцев тоже достаточно много подонков, что чеченская нация не одна — не надо всех под одну гребенку. То, что женщина так отвечает, на них производило впечатление, и, судя по нескольким шагам назад, они разговаривали уже на равных.

— За время поездок в Чечню ты, конечно, собрала архив, где много "крутых" кадров, не вошедших в сводки новостей.

— Да, такой архив есть. В феврале 95-го мы были в селе в 30 км от Грозного, где шли очень жестокие бои. Мы сняли интервью с чеченским стариком, который собрал остатки обглоданных собаками останков наших солдат и захоронил их. Поставил православный крест. Это не пошло в эфир. Сказали, по соображениям морали. Таких съемок много.

— Каков, по-твоему, смысл освещения войны телевидением — щекотать нервы обывателю, показывать жестокость войны или героизм солдат?

— Мне интересно только показывать людям правду из того, что я сама видела. Я знаю, что меня очень не любили федеральные войска, что очень не по-мужски собирать по крупицам. Кроме того, афганские женщины ходят в чадре, и когда правоверные видели меня с открытым лицом и в брюках, то воспринимали это очень "заинтересованно". Почему я вновь обратилась к войне? Мне сложно работать сейчас в Москве и прочих спокойных местах.

— Недавно по НТВ прошли твои новые репортажи, и вновь о войне — Таджикистан, Афганистан.

— Физическим это очень тяжелые командировки. Там работать сложнее, чем в Чечне, информацию нужно собирать по крупицам. Кроме того, афганские женщины ходят в чадре, и когда правоверные видели меня с открытым лицом и в брюках, то воспринимали это очень "заинтересованно". Почему я вновь обратилась к войне? Мне сложно работать сейчас в Москве и прочих спокойных местах.

— И что же, ты подсела на войну, как наркоман на иглу? Без войны уже не можешь?

— Боже упаси! Но не пресс-конференции же снимать — это скучно. Конечно, хотела бы поехать и в Чечню. Если там все кончится, слова Богу, значит, не будет темы. Но пока в Чечне все время чего-нибудь происходит, и мне хочется быть там.

— У погибшей в Чечне журналистки "Общей газеты" маленький сын остался сиротой...

— У меня нет детей — я более свободна в своем выборе.

— После нескольких лет работы военкором в порядке ли твоя нервная система, и сколько здоровья ты оставила на подобную работу?

— Я знала множество мужчин с гораздо более нежной, чем у меня, нервной системой. Единственное, что я стала замечать за собой после пребывания в Чечню, что я стала меньше разговаривать, улыбаться и вообще радоваться жизни.

Элина НИКОЛАЕВА.
Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА.